

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-22.62fe-xd85

EDN: GRETJC

УДК 316.334.3:324

В. В. Сафронов

МЕДИАТОРЫ ВОЗРАСТНЫХ НЕРАВЕНСТВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ: ИНТЕРЕС К ПОЛИТИКЕ И ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В исследовании рассматриваются возрастные неравенства участия избирателей в выборах Государственной Думы. Согласно общей для многих демократий закономерности, электоральная активность гораздо выше в старших возрастах и ниже — в младших. Признается, что при продвижении по этапам жизненного цикла у человека появляется заинтересованность в решении ряда жизненных проблем, зависящих от принимаемых политических решений, что побуждает его к голосованию. При этом недостаточно изученным остается вопрос о том, какие политические аттитюды опосредуют зависимость между возрастом индивидов и их участием в выборах. В нашей стране также отмечается сильная зависимость между участием в выборах и возрастом. В исследовании предполагается, что возрастные различия электорального участия в выборах ГД объясняются в определенной степени медиативными влияниями переменных интереса к политике и партийной идентификации. Анализируются данные российского опроса, проведенного по проекту Европейского социального исследования (ESS, Round 8), с применением регрессионного моделирования, позволяющего оценивать параллельные и последовательные медиации. Результаты показывают, что с возрастом повышается интерес к политике и формируется партийная идентификация, которые мотивируют участие в выборах ГД. Обнаружены отчетливые непрямые эффекты возрастной детерминации этой активности, которые говорят о наиболее выраженном посредническом влиянии партийной идентификации, заметном — интереса к политике, а также, хотя и менее сильном, их последовательности — через этот интерес, а потом идентификацию.

Ключевые слова: выборы Государственной Думы, электоральное участие, возрастные неравенства, медиации, интерес к политике, партийная идентификация, Европейское социальное исследование (ESS).

VIACHESLAV V. SAFRONOV

MEDIATORS OF AGE INEQUALITIES IN ELECTORAL PARTICIPATION: INTEREST IN POLITICS AND PARTY IDENTIFICATION

The study examines the age inequalities of voter participation in the elections of the State Duma. According to a pattern common to many democracies, electoral activity in our country is much higher in older ages and lower in younger ones. It is recognized that when moving through the stages of the life cycle, a person becomes interested in solving a number of problems that depend on the political decisions taken, which encourages him to vote. At the same time, the question of which political attitudes mediate the relationship between the age of individuals and their participation in elections remains insufficiently studied. In our country there is also a strong correlation between participation in elections and age. The study suggests that age differences in electoral participation in State Duma elections are explained to a certain extent by the mediating influences of the variables of interest in politics and party identification. The data of the Russian survey conducted by the European Social Research Project (ESS, Round 8) are analyzed using regression modeling, which allows evaluating parallel and sequential mediation. The results show that with age, interest in politics increases and party identification is formed, which motivate participation in State Duma elections. Distinct indirect effects of age determination of this activity were discovered, which indicate the most pronounced mediating influence of party identification, a noticeable influence of interest in politics, and also, although less strong, of their sequence — through this interest, and then identification.

Keywords: State Duma election, electoral participation, age inequalities, mediation effects, political interest, party identification, European Social Survey (ESS).

Влияние возраста на электоральное участие: характеристика исследований

Требование активного и равного участия всех граждан в политической деятельности, определяющее демократическое правление, не удается соблюсти ни в одной стране: даже в выборах парламентов, отличающихся самым массовым активизмом, участвуют далеко не все избиратели, причем те, кто это делает, имеют ряд характерных особенностей. Теоретическая модель, разработанная С. Вербой, К. Л. Шлоzmanом и Г. Е. Брэди для объяснения политических неравенств, предполагает, что неучастие в политических действиях, чаще встречающееся среди людей с невысоким социально-экономическим статусом (образованием

прежде всего), связано с недостатком у них ресурсов (гражданских навыков организационной и коммуникативной деятельности, денег и свободного времени), отсутствием психологической ориентации на политику (интереса к политике, информированности о ней, уверенности, что на нее можно повлиять) и слабостью усилий по их мобилизации (Schlozman, Brady, Verba 2018; Verba, Schlozman, Brady 1995).

Объяснения собственно участия в выборах на индивидуальном уровне также соотносятся с этой моделью ресурсы — мотивация — мобилизация (а при сопоставлении агрегированных значений явки требуют учета политического контекста). Так, согласно авторитетным исследованиям в США, двумя важнейшими переменными, определяющими, кто голосует и кто нет, являются образование и возраст, причем с повышением последнего происходит компенсация ограничений, обусловленных недостатком образования, а некоторое снижение участия в старших возрастах отражает особенности социального статуса этих избирателей (Wolfinger, Rosenstone 1980). По другим результатам, влияние возраста на участие в выборах было даже более отчетливым, чем образования и дохода, что объяснялось накоплением жизненного опыта, снижающего информационные издержки, и большей мобилизационной доступностью для политических элит избирателей зрелых и старших возрастов (Rosenstone, Hansen 1993). Сходные различия между американскими избирателями обнаруживались и в последующих исследованиях — «даже при учете других характеристик богатые голосуют больше, чем бедные, лучше образованные — больше, чем менее образованные, в старших возрастах больше, чем молодые» (более склонны голосовать также англо-американцы, женщины, неодинокие) (Leighley, Nagler 2013: 80).

Эти выводы подтверждаются и при совместном анализе данных для девяти демократических стран, который показал, что важнейшие факторы участия в выборах — возраст и образование (вслед идут религиозность, доход и семейное положение) (Blais 2000). Представленный А. Блэ обзор исследований, посвященных участию в выборах, показывает, что на индивидуальном уровне (обсуждаются и различия между странами по агрегированным показателям явки) склонность к голосованию нарастает с возрастом и при повышении образования, причем особенно тесная корреляция с возрастом обусловлена особенностями жизненного цикла и поколений (Blais 2007). Хотя решение о том, голосовать или не голосовать, зависит от многих обстоятельств, два важнейших условия, заключает автор, — интересуется ли человека политика и считает ли он участие в выборах гражданским долгом. В работе,

посвященной национальным парламентским выборам в 24 европейских демократиях (данные ESS 2006), было установлено, что вероятность неучастия выше среди избирателей с низким образованием и представителей младших возрастных когорт, при слабом интересе к политике, неверии в открытость политической системы, неудовлетворенности ею и политиками (Nadjar, Beck 2010).

Метаанализ статей, в которых обсуждаются индивидуальные детерминанты участия в национальных парламентских и президентских выборах в западных демократиях (2000–2010 гг., 90 работ), обнаружил отсутствие согласия исследователей о составляющих базовой объяснительной модели: лишь немногие переменные были общими для этих работ, и к числу претендентов на включение в такую модель относятся возраст (рост участия с его увеличением и снижение среди самых пожилых), образование (высокое повышает явку), мобильность относительно места жительства (снижает ее), потребление информации СМИ, партийная и внепартийная мобилизация, голосование на предшествующих выборах, партийная идентификация, интерес к политике и политические знания (с ростом значений этих переменных увеличивается вероятность голосования) (Smets, van Ham 2013).

Исследования, проводившиеся в последние годы, подкрепляют и уточняют полученные ранее свидетельства. Анализ Р. Далтоном неравенств политической активности (опросы ISSP 2004 и 2014 гг. и другие данные) продемонстрировал, что участие в выборах растет вместе с социально-экономическим статусом и возрастом (снижается у самых пожилых), а также предполагает взаимодействие с общественными ассоциациями, приверженность нормам гражданского долга, уверенность в способности влиять на политику, доверие другим людям (Dalton 2017). В недавнем обзоре работ о политическом неравенстве и участии в выборах вновь отмечается, что в западных демократиях молодежь, менее образованные и бедные с меньшей вероятностью голосуют, особенно при невысокой общей явке, и это важно, поскольку влияет на политические решения (Blais, Dassonneville, Kostelka 2020). Согласно модели детерминант электорального участия, полученной А. Блэ и Ж.-Ф. Дау при анализе выборов в западных демократиях, активность, нарастая с возрастом и образованием, зависит прежде всего от двух общих мотивационных диспозиций — интереса индивида к политике и чувства гражданского долга, а также от двух более конкретных представлений — обеспокоенности результатами выборов и уверенности, что проголосовать нетрудно, причем эти зависимости проявляются в разнообразных контекстах, мало отличаясь в избирательных системах с пропорциональным представительством и без него,

характерны для национальных, региональных и европейских выборов (Blais, Daoust 2020).

Среди основных переменных, влияющих на электоральную активность, называют также партийную идентификацию (подразумевает устойчивую психологическую приверженность определенной политической партии). Она важна, полагали А. Кэмпбелл и его коллеги в своей классической работе, так как способствует психологической заинтересованности индивидов политикой, участию в голосовании и поддержке определенной партии и кандидатов (Campbell et al. 1980: Chapter 6). В недавнем обзоре Р. Далтон подтверждает, что партийная идентификация облегчает индивиду оценку политических проблем, событий, кандидатов и вовлекает граждан в проведение кампаний и выборы, а также определяет избирательные предпочтения и стабилизирует паттерны голосования и партийную систему (Dalton 2021). Она, считает И. Макаллистер, является предпосылкой политического участия почти во всех его разновидностях, и ослабление партийной лояльности в последние десятилетия вносит свой вклад в снижение в развитых демократиях электоральной явки (McAllister 2020).

Описанные закономерности были выявлены по преимуществу в исследованиях стабильных западных демократий. В Центральной-Восточной Европе и России электоральное участие, несмотря на более низкие значения явки, было связано с теми же демографическими факторами и политическими аттитюдами, что и в развитых демократиях (Birch 2013; Colton 2000; Kostelka 2014). В этой части Европы и нашей стране, наряду с социальной демографией и политическими ориентациями, первостепенное значение имеет партийная идентификация (Сафронов 2023; McAllister, White 2017). На избирательные участки при проведении парламентских выборов гораздо чаще приходят избиратели, способные указать в партийном спектре партию, которая им близка, чем те, кто этого сделать не может. Вероятность участия заметно увеличивается с возрастом избирателей (и снижается в самых старших категориях), образованием, ростом интереса к политике, уверенности в открытости политической систем влиянию граждан и доверии политическим институтам.

Таким образом, значительные различия участия в выборах связаны с возрастом, причем, как отмечает Е. Плутцер, его влияние (и других факторов социальной демографии) не отражает простых причинных зависимостей — нарастание электоральной активности с возрастом может объясняться проявлением политических интересов и предпочтений в зрелых и старших возрастах, продолжающейся интернализацией социальных норм и усвоением взрослых ролей или

же вхождением в зрелые годы в сети социальных взаимодействий с более высокими ожиданиями гражданской активности (Plutzer 2018). Согласно актуальному обзору научной литературы, криволинейная зависимость, фиксирующая повышение электоральной активности с возрастом, а затем, на поздних этапах жизни, ее снижение, может объясняться теорией политического жизненного цикла (Serra, Smets 2022). Низкая активность среди молодых людей связана с их слабой вовлеченностью в гражданскую жизнь. Дальнейшее ее нарастание при переходе к взрослости, когда в жизни происходят такие изменения, как оставление родительского дома, начало работы, приобретение жилья и создание семьи, обусловлено включением человека в деятельность организаций, ассоциаций и сообществ, которые оказывают влияние на его мотивацию, возможности мобилизации и оказания социального давления, на развитие гражданских навыков. Последующий спад вызван отстранением от политики людей старших возрастов из-за ухудшения здоровья, выхода в отставку, снижения доходов. (Кроме того, возрастные особенности могут свидетельствовать о различиях между поколениями — считается, что те, кто рос в сильно политизированных общественных контекстах, должны проявлять большую склонность к участию в голосовании.)

Подобные непрямые детерминации возрастных различий в электоральном участии остаются недостаточно изученными — в России такие исследования, насколько нам известно, вообще не проводились. В настоящей работе предполагается внести вклад в прояснение этого вопроса и предпринимается попытка объяснить возрастные электоральные неравенства в России, учитывая посреднические эффекты двух ключевых аттитудных переменных, связанных с участием в выборах, — интереса к политике и партийной идентификации.

Задачи и методы исследования

В представленной работе рассматриваются возрастные неравенства участия избирателей в выборах Государственной Думы. Общая закономерность, отмеченная во многих исследованиях и странах, говорит о невысокой явке среди молодых людей и ее постепенном нарастании к старшим возрастам (и некотором снижении среди самых пожилых). Это объясняется изменением с возрастом жизненной ситуации (занятости, доходов, семейного положения, жилья) и обусловленных ею интересов, побуждающих человека обращать внимание на политические решения и пытаться оказывать на них воздействие. При этом недостаточно изученным остается вопрос о том, какие именно политические

аттитуды опосредуют зависимость между возрастом индивидов и их участием в выборах.

Накопленные к настоящему времени факты, как отмечалось в обзоре научной литературы, однозначно свидетельствуют, что одним из самых сильных мотиваторов электорального участия является интерес индивида к политике. Очень важную роль, особенно в странах Центрально-Восточной Европы, играет также партийная идентификация — на парламентские выборы приходят многие из избирателей, которые способны указать в партийном спектре организацию, выражающую их чаяния, а воздерживаются от голосования нередко те, кто такой партии не видит. Политический интерес и партийная идентификация побуждают к голосованию и российских избирателей. Можно предположить, что именно эти факторы выступают медиаторами, объясняющими возрастные расхождения участия в парламентских выборах. В самом деле, они не только мотивируют электоральную активность, но и сами, скорее всего, зависят от возраста. Вероятно, что с повышением возраста у человека повышается интерес к происходящему в политической жизни и складываются представления о политических партиях, отстаивающих близкие ему позиции.

Цель настоящего исследования — проверить предположение о возможности объяснения возрастных неравенств участия в выборах Государственной Думы с помощью учета непрямых, посреднических влияний возраста на это участие через интерес к политике и партийную идентификацию. Для ее достижения нам предстоит решить три исследовательские задачи — во-первых, выяснить, как возраст избирателей влияет на интерес к политике (при контроле прочих переменных, от которых он может зависеть); во-вторых, проанализировать возрастные различия в их представлениях о наличии среди политических партий близкой им организации; и, наконец, оценить статистическую достоверность того, что переменные политического интереса и партийной идентификации действительно следует рассматривать в качестве медиаторов, объясняющих возрастные различия электоральной явки.

Решение задач исследования осуществлялось с использованием российских данных Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS Round 8), собранных в январе и феврале (отчасти — марте) 2017 г. вслед за состоявшимися осенью 2016 г. выборами Государственной Думы (URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data> (дата обращения: 27.09.2023)). Об участии в них позволяет судить следующий вопрос анкеты: «Некоторые люди по разным причинам не принимают участия в выборах. Скажите, пожалуйста, Вы голосовали на последних выборах в Госдуму в сентябре 2016 года? 1. Да; 2. Нет; 3. Не имел(а)

права голосовать». В настоящей работе рассматриваются только те респонденты, у которых было право голоса. Зависимую переменную будет представлять дихотомия, отделяющая голосовавших на этих выборах (значение «1») от людей, не участвовавших в них (значение «0»).

Основная независимая переменная — возраст опрошенных, измеренный в годах, а также в шести и семи категориях (до 30 лет, 30–39, 40–49, 50–59, 60–69, 70 лет и старше или 70–79 лет и 80 лет и старше). Предполагаемые медиаторы влияния возраста на участие в выборах — интерес респондента к политике и наличие у него партийной идентификации — позволяют сконструировать следующие вопросы из ESS анкеты: «Насколько Вы интересуетесь политикой? 1. Очень интересуетесь; 2. В некоторой степени интересуетесь; 3. Мало интересуетесь; 4. Совсем не интересуетесь» и «Есть ли такая политическая партия, которая Вам ближе, чем все остальные партии? 1. Да; 2. Нет. Если да: Какая это партия? Насколько близка Вам эта партия? 1. Очень близка; 2. Довольно близка; 3. Не очень близка; 4. Совсем не близка». Используя при анализе показатели этих медиаторов представляют собой инвертированную четырехбалльную шкалу политического интереса, с нарастанием значений которой усиливается этот интерес, и трехбалльную шкалу идентификации с партией со значениями 0 — нет близкой партии, 1 — есть партия, которая довольно близка, и 2 — есть очень близкая партия. Регрессионное моделирование возрастных электоральных неравенств с учетом двух медиативных эффектов проводилось при контроле основных структурных факторов, влияющих на участие в голосовании, — пола, образования (суммарное число лет обучения в формальных образовательных учреждениях — школе, ПТУ, техникуме, колледже, институте или университете, аспирантуре и др.), места жительства (село, небольшой город, крупный город) и этнической принадлежности (русские или меньшинства).

Изучавшиеся зависимости между переменными схематически представлены на рис. 1. Согласно схеме, возраст способствует участию в выборах ГД не только в силу изменения жизненной ситуации (c' , прямой эффект), но и благодаря посредническим линиям детерминации через переменные интереса к политике (первый непрямой эффект, выраженный произведением регрессионных коэффициентов $a_1 \times b_1$) и партийной идентификации (второй непрямой эффект — произведение $a_2 \times b_2$). Причем эти медиаторы располагаются последовательно — с возрастом может повышаться интерес к политическим вопросам, что, в свою очередь, будет способствовать нахождению партии, выражающей близкую избирателю позицию, и, таким образом, участие в выборах

может повышаться под воздействием обоих последовательных медиаторов (третий непрямой эффект, выраженный произведением $a_1 \times a_3 \times b_2$). Все эти эффекты оцениваются в логистических регрессиях при контроле указанных выше социально-структурных признаков.

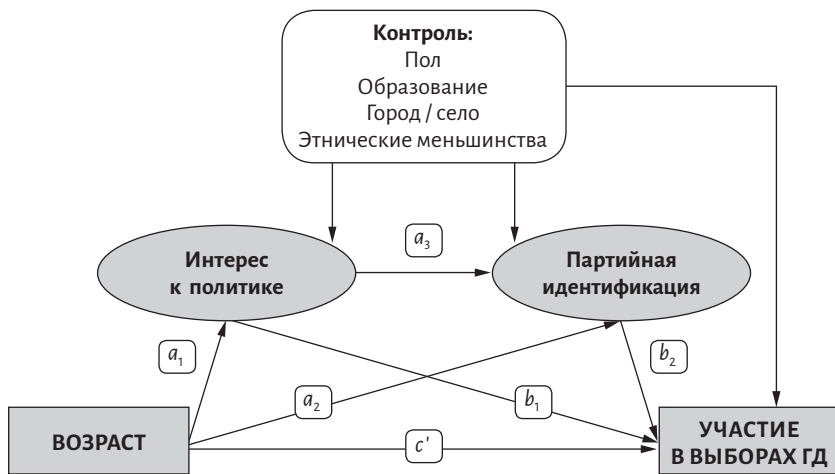

Рис. 1. Схема анализа возрастных различий участия в голосовании

Статистический анализ проводился с помощью регрессионного моделирования, позволяющего оценивать параллельные и последовательные медиативные эффекты (программа Process, см. Hayes 2022). Шкалы независимых переменных были преобразованы, так что их значения стали располагаться в диапазоне между 0 и 1, вследствие чего регрессионные коэффициенты свидетельствуют об изменении эффекта при переходе от наименьшего к самому большому шкальному значению.

Дескриптивная статистика для изучавшихся переменных отражена в табл. 1. Опросы населения, как хорошо известно, дают более высокие значения электоральной явки, чем официальная статистика (Cuevas-Molina 2017). По данным ESS, на думских выборах 2016 г. она составляла 56%, тогда как, по сведениям Центризбиркома, в них приняли участие 47,8%. Это обстоятельство, однако, не способно существенно исказить оценки непрямых эффектов в нашем анализе, поскольку сопоставление регрессионных коэффициентов, полученных при взвешивании данных (для приведения доли проголосовавших к официальному проценту) и без взвешивания (как в программе Process, не учитывающей веса), показывает, что изменения в них были малозаметными.

Таблица 1

Дескриптивная статистика

а. Категориальные переменные

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%	ПЕРЕМЕННЫЕ	N	%
УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ	2300		ПОЛ	2300	
Нет	1000	44	Женщины	1331	58
Да	1300	56	Мужчины	969	42
ВОЗРАСТ	2300		МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА	2295	
до 30 лет	423	18	Сельская местность	541	23
30–39	457	20	Небольшой город	752	33
40–49	373	16	Крупный город, пригороды	1002	44
50–59	377	16	ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	2280	
60–69	361	16	Русские	1936	85
70 лет и старше	309	14	Меньшинства	344	15

б. Непрерывные переменные

ПЕРЕМЕННЫЕ	N	Min	Max	Mean	Std. Dev.
Возраст	2300	20	95	47.92	17.52
Интерес к политике	2291	1	4	2.43	0.89
Партийная идентификация	2150	0	2	0.37	0.57
Образование	2300	0	23	13.16	2.73

Интерес к политике проявляют около половины опрошенных, правда, те, кто говорит, что она их очень интересует, составляют лишь десятую часть избирателей. Две пятых сообщают о партийной идентификации — эти избиратели способны указать партию, которая им ближе других, однако ответов, свидетельствующих, что эта организация им очень близка, оказалось лишь около пяти процентов. Показатели социальной демографии критических отклонений от значений в генеральной совокупности не обнаруживают.

Возрастные различия участия в выборах

Вероятность участия избирателей в выборах Госдумы, в согласии с общей для многих стран закономерностью, существенно отличается в разных возрастах. Это утверждение применительно к голосованию на думских выборах 2016 г. иллюстрирует рис. 2. Доли респондентов в каждой из шести возрастных категорий, участвовавших в этих выборах, рассчитывались по уравнению логистической регрессии, в котором влияние возраста оценивалось наряду с контрольными переменными.

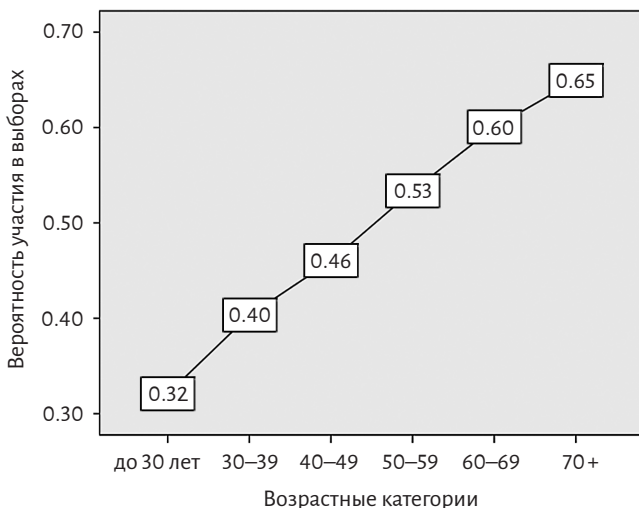

Рис. 2. Возрастные различия электорального участия в думских выборах 2016 г.

Примечание. Вероятность участия в выборах рассчитывалась по уравнению логистической регрессии с независимыми переменными пола, возраста, образования, места жительства и принадлежности к этническим меньшинствам (использовались веса, приводящие выборочные оценки участия в голосовании к официальной статистике).

Как видно на рис. 2, вероятность голосования линейно нарастает при переходе от избирателей младшего возраста к более старшим. Если среди тех, кто младше 30 лет, всего 32% приняли участие в голосовании, в категории 30–39 лет таких избирателей — 40%, среди 40–49-летних — 46%, 50–59-летних — еще больше, 53%, то в самых старших группах этот показатель становится наибольшим: 60% для возрастной категории 60–69 лет и 65% — для тех, кому 70 и больше лет.

Медиации возрастных электоральных неравенств

Убедившись, что электоральная активность тесно связана с возрастом, попытаемся, в согласии с нашими предположениями, выяснить, можно ли влияние возраста объяснить изменениями в заинтересованности избирателя политическими вопросами и его отношения к партиям. Результаты регрессионного моделирования, позволяющие ответить на эти вопросы, сведены в табл. 2.

Регрессия, представленная во втором столбце этой таблицы, верхняя (серая) панель, позволяет прояснить, как возраст влияет на переменную интереса к политике, которая выступает здесь в качестве зависимой переменной. Об этом говорит регрессионный коэффициент, $a_1 = 0.34$ (высоко статистически значимый, $p < 0.001$), подсчитанный при включении в уравнение контрольных факторов. С возрастом интерес к политике, как и предполагалось, значительно увеличивается (он выше также у мужчин и более образованных респондентов).

Регрессионные коэффициенты, приведенные в третьем столбце табл. 2, верхняя панель, свидетельствуют, что партийная идентификация также нарастает с повышением возраста, $a_2 = 0.15$ ($p < 0.001$), кроме того, ей способствует интерес к политике, $a_3 = 0.15$ ($p < 0.001$).

Рисунок 3 иллюстрирует зависимости интереса к политике и партийной идентификации от возраста, полученные в рассмотренных регрессиях. Согласно графикам, представленным на этом рисунке, с возрастом заметно повышается интерес к политике: если респонденты младшего возраста сообщают, что политика их мало интересует, то в старших возрастах многие проявляют к ней заметный интерес. Идентификация с партией также становится гораздо отчетливее в старших категориях избирателей по сравнению с младшими: среди респондентов в возрасте до 30 лет лишь 22% указали, что среди партий есть такая, которая им ближе других, тогда как у тех, кому за 70 лет, об этом сообщили 58%.

В последнем, четвертом, столбце верхней части табл. 2 приводится уравнение регрессии, которое показывает, каково влияние всех независимых переменных на участие в выборах. Это участие увеличивается с возрастом, прямой эффект $b_1 = 1.77$ ($p < 0.001$), и при повышении интереса к политике, $b_1 = 1.15$ ($p < 0.001$), но особенно отчетливо — при наличии партийной идентификации, $b_2 = 4.18$ ($p < 0.001$). Подтверждаются и известные зависимости с контрольными переменными (более высокая электоральная активность среди образованных избирателей и жителей села).

Таблица 2

Возраст и участие в выборах ГД: прямые и медиативные эффекты

Независимые переменные	Интерес к политике (a_1)	Близкая партия ($a_{2,3}$)	Участие в выборах ($b_{1,2}$)
Константа	0.04	-0.01	-2.20***
Возраст	0.34***	0.15***	1.77***
Интерес к политике		0.15***	1.15***
Партийная идентификация			4.18***
Пол (М)	0.11***	-0.00	-0.21*
Образование	0.40***	0.01	2.24***
Населенный пункт:			
Крупный город	0.03	-0.02	-0.68***
Небольшой город	0.01	-0.01	-0.15
<i>Село (референтная категория)</i>			
Этнические меньшинства	0.02	0.00	-0.34*
R квадрат / Nagelkerke	0.08	0.10	0.27
ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА	Эффект	Доверительный интервал	
ПРЯМОЕ (c')	1.77	[1.27, 2.27]	
НЕПРЯМОЕ, общий эффект	1.25	[1.00, 1.54]	
Медиатор 1: Интерес к политике ($a_1 b_1$)	0.40	[0.27, 0.55]	
Медиатор 2: Идентификация с партией ($a_2 b_2$)	0.64	[0.45, 0.86]	
Медиатор 3: Последовательно 1 и 2 ($a_1 a_3 b_2$)	0.21	[0.15, 0.28]	
Различия эффектов: Медиатор 1 — Медиатор 2	-0.25	[-0.50, 0.00]	
Медиатор 1 — Медиатор 3	0.19	[0.05, 0.33]	
Медиатор 2 — Медиатор 3	0.43	[0.24, 0.64]	

Примечание. European Social Survey, Round 8, Россия, $N = 2127$. Уровни значимости: *** 0.001, ** 0.01, * 0.05. Доверительные интервалы — 95% bootstrap confidence intervals, Number of samples = 10000.

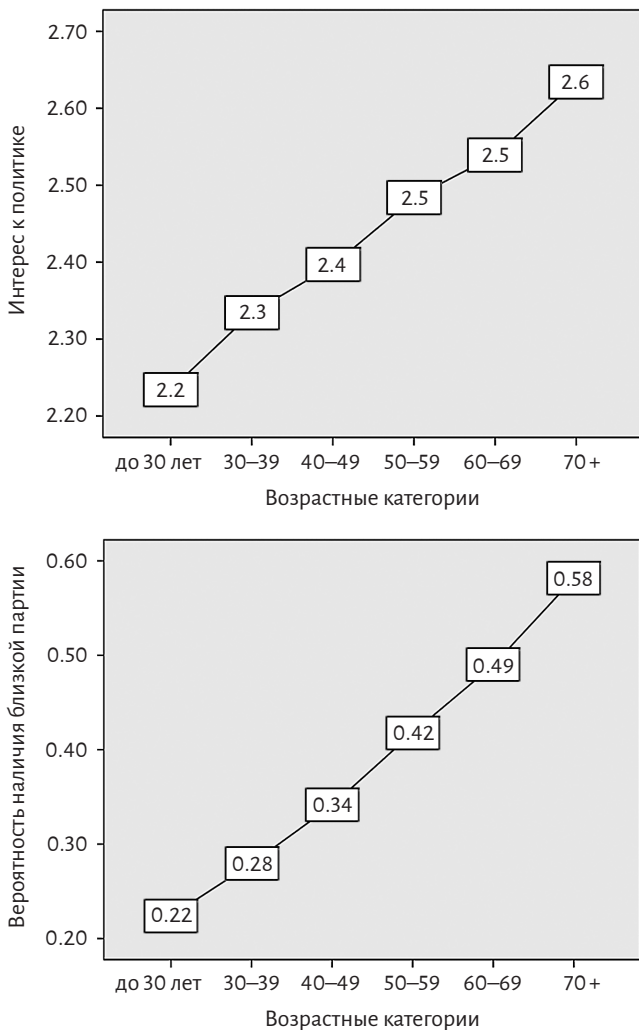

Рис. 3. Возрастные особенности интереса к политике и партийной идентификации

Примечание. Шкала политического интереса от 1 — совсем не интересуется до 4 — очень интересуется. Партийная идентификация — дихотомия есть / нет партия, которая ближе других. Влияние возраста оценивалось, соответственно, в линейной и логистической регрессии с контрольными переменными.

Выявленные в описанных регрессиях зависимости между возрастом и интересующими нас политическими аттитюдами, с одной стороны, и этими аттитюдами и голосованием — с другой, указывают, что интерес к политике и партийная идентификация действительно являются медиаторами возрастных неравенств электоральной активности. Однако, прежде чем заняться вычислением не прямых эффектов, необходимо убедиться, что эти переменные интереса и идентификации не являются модераторами возрастной детерминации голосования (в противном случае оценки медиаций могут оказаться неадекватными). Проверка показала, что ни интеракция возраста с политическим интересом, ни интеракция возраста с партийной идентификацией не являются статистически значимыми факторами электорального участия.

В нижней (светлой) панели табл. 2 можно найти значения прямого и медиативных эффектов, рассчитанных с использованием описанных регрессионных коэффициентов. Об их статистической значимости позволяют судить доверительные интервалы, характеризующие каждый из этих эффектов. Полученные результаты показывают, что все три не прямые эффекта оказываются статистически значимыми и существенно отличаются между собой по величине. Самый большой не прямой эффект влияния возраста на голосование — через партийную идентификацию ($a_2b_2 = 0.64$), существенным оказалось и посредничество интереса к политике ($a_1b_1 = 0.40$). Непрямое влияние через последовательные медиаторы интереса к политике и партийной идентификации также в известной степени объясняло возрастные различия электоральной активности ($a_1a_3b_2 = 0.21$). Таким образом, повышение с возрастом электоральной активности в определенной степени обусловлено тем, что по мере перехода от младших к старшим возрастным когортам происходит усиление интереса к политическим вопросам и формирование партийной идентификации, которые являются важными детерминантами участия в голосовании.

В представленном анализе предполагалось, что между переменной возраста, измеренного в годах, и участием в выборах наблюдается положительная линейная связь. В то же время, как отмечалось в обзоре литературы, эта зависимость является криволинейной — активность повышается до определенного возраста, а затем, у самых пожилых избирателей, идет на спад. Что же при этом происходит с медиативными эффектами? Для ответа на этот вопрос был вновь проведен регрессионный анализ, аналогичный представленному в табл. 1, однако возраст теперь был разбит на 7 категорий. Полученные прямые и не прямые эффекты приводятся в табл. 3.

Таблица 3

Медиации электоральных неравенств между возрастными категориями

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА	Эффект	CI	ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТА	Эффект	CI
Прямое			Медиатор 2: Близкая партия		
30–39 лет	0.38	0.08, 0.69	30–39 лет	<i>–0.00</i>	<i>–0.09, 0.09</i>
40–49	0.70	0.37, 1.02	40–49	<i>0.10</i>	<i>–0.00, 0.21</i>
50–59	0.82	0.49, 1.15	50–59	0.16	0.06, 0.28
60–69	1.23	0.88, 1.59	60–69	0.33	0.20, 0.47
70–79	1.05	0.64, 1.47	70–79	0.36	0.22, 0.53
80 лет+	0.81	0.22, 1.40	80 лет+	0.44	0.22, 0.69
Медиатор 1: Интерес к политике			Медиатор 3: Последовательно 1 и 2		
30–39 лет	<i>0.04</i>	<i>–0.01, 0.09</i>	30–39 лет	<i>0.02</i>	<i>–0.01, 0.05</i>
40–49	0.11	0.06, 0.18	40–49	0.06	0.03, 0.09
50–59	0.16	0.09, 0.23	50–59	0.08	0.05, 0.12
60–69	0.20	0.13, 0.29	60–69	0.11	0.07, 0.15
70–79	0.27	0.17, 0.38	70–79	0.14	0.10, 0.20
80 лет+	0.26	0.15, 0.38	80 лет+	0.14	0.09, 0.20

Примечание. Референтная категория переменной возраста — до 30 лет. CI (доверительные интервалы) — 95% bootstrap confidence intervals, Number of samples = 10 000. Курсивом выделены незначимые эффекты. При контроле социальной демографии.

Коэффициенты, фиксирующие прямые влияния возрастных категорий в соотношении с самой младшей группой (до 30 лет), подтверждают предположение о криволинейной зависимости между возрастом и участием в выборах. Электоральная активность нарастает от категории к категории и оказывается самой высокой у 60-летних избирателей, а затем несколько сокращается среди 70-летних и еще больше — когда им становится 80 лет и больше. Тем не менее этот факт не отменяет сделанного нами заключения о медиативных воздействиях возраста на голосование через интерес к политике и партийную идентификацию. В самом деле, в таблице видно, что непрямые эффекты через любой из рассматривавшихся трех медиаторов были ничтожно малы в младших категориях и постепенно нарастали, становясь статистически значимыми по отношению к референтной группе. Причем и в двух самых старших категориях, в которых фиксируется некоторый спад избирательной активности, ее поддерживает на достаточно высоком уровне повышенный интерес к политике и ориентация на близкую партию. Эффекты медиации для этих категорий были не меньше, чем для других возрастов.

Поскольку партийная идентификация, согласно описанным результатам, связана с наиболее отчетливыми посредническими эффектами, объясняющими возрастные отличия явки на выборы, рассмотрим подробнее некоторые ее особенности. Среди избирателей, которые могли проголосовать на думских выборах 2016 г., 64% не видели в партийном спектре организации, которая была бы им близка, и только 36% указали на такую партию, причем это была одна из четырех политических сил, формирующих Государственную Думу. Так, идентификация с «Единой Россией» была характерна для 21% респондентов, с КПРФ и ЛДПР — для 5%, а со «Справедливой Россией» — лишь для 2% (со всеми прочими партиями также около 2%). В самых старших возрастах (за 80 лет) выбор чаще падал на КПРФ и ЕР (чуть больше 20% этой немногочисленной категории), а среди 60- и 70-летних предпочтение получала ЕР (около 30%) и с заметным отставанием шла КПРФ (порядка 13%). При дальнейшем продвижении к младшим возрастным категориям идентификация с этими политическими партиями все больше снижается (до 10 и 2% соответственно среди опрошенных в возрасте до 30 лет). Но и другие партии не привлекают респондентов младших возрастов — 77% не видят близкой себе партии (с ЛДПР были связаны, как и в других возрастах, около 6%). Таким образом, электоральное участие старших избирателей отчасти объясняется их идентификацией с партией власти, что, по-видимому, обусловлено проводимой

ею политикой, предполагающей известную, пусть и незначительную, социальную защиту уязвимых слоев.

Заключение

В России, как и в других странах Западной и Центрально-Восточной Европы, участие в парламентских выборах было социально стратифицированным. Особенно заметные отличия связаны с возрастом — в младших возрастах электоральная активность гораздо ниже, чем в старших.

В представленном исследовании, посвященном избранию Государственной Думы в 2016 г., предполагается, что с возрастными переходами сопряжены изменения политических аттитюдов, которые стимулируют участие в голосовании. Среди всех переменных, объясняющих, кто ходит на выборы и кто этого не делает, важнейшими выступают факторы интереса к политике и партийной идентификации — голосуют, как правило, те, кого интересуется политика и кто видит в партийном спектре близкую себе организацию. Названные факторы могут объяснять в определенной мере и возрастные дифференциации электорального участия.

Это соображение подтверждается регрессионным моделированием по опросным российским данным Европейского социального исследования (ESS, 2017 г.), в котором указанные политические аттитюды рассматривались в качестве медиаторов возрастных особенностей активизма на выборах. Наиболее отчетливыми оказались не прямые эффекты, фиксирующие детерминацию «возраст — партийная идентификация — участие в голосовании», но важное значение имела и линия «возраст — интерес к политике — электоральное участие», а также — менее выразительно — последовательные воздействия через интерес к политике, который способствует близости к определенной партии.

В исследованиях электорального процесса в России отмечается, что существенную роль в нем играют политические машины, патрон-клиентские отношения — участие в выборах и поддержка избирателями кандидатов от власти обмениваются на приватные блага. Эти машины осуществляют мобилизацию избирателей, находящихся в зависимом от властей положении, — тех, кто получает от государства социальные блага и услуги, работников государственных секторов, включая врачей и учителей, а также сельского населения и жителей этнических регионов, используя для этого как материальные поощрения, так и угрозы наказания (см. обзор в Сафронов 2022).

Большая активность на выборах избирателей старших возрастов также может объясняться подобной машинной мобилизацией. Однако наши результаты показывают, что такая трактовка не отражает всей полноты картины. Электоральное участие постепенно нарастает с возрастом и остается достаточно высоким среди самых пожилых избирателей вследствие формирования — при продвижении по этапам жизненного цикла — все большего интереса к политике и представлений о том, какая из партий способна выразить их интересы. Таким образом, возрастные неравенства электорального участия в определенной мере, вероятно, обусловлены машинной политикой принуждения к голосованию, но формируются также вследствие изменения с возрастом представлений о важности политики и возможностях оказывать на нее влияние через партийную структуру.

Источники

Сафронов В. В. Неравенства электорального участия в России: Обзор исследований в соотнесении с западными теоретическими моделями // *Власть и элиты*. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 56–95. — DOI: 10.31119/re.2022.9.2.3.

Сафронов В. В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // *Власть и элиты*. — 2023. — Т. 10, № 1. (В печати.)

Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. *The American Voter*. — Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980 [1960]. — 576 p.

Colton T. J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. — 336 p.

Birch S. *Elections and Voters // Developments in Central and East European Politics 5* / Ed. by S. White, P. G. Lewis, J. Batt. — Durham: Duke University Press, 2013. — P. 156–170.

Blais A. *To Vote or not to Vote? The Merits and Limits of Rational Choice*. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. — 208 p.

Blais A. *Turnout in Elections // The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by R. J. Dalton, H. D. Klingemann. — New York: Oxford University Press, 2007. — P. 621–635. — DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033.

Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. — Vancouver: UBC Press, 2020. — 156 p.

Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. *Political Equality and Turnout // The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies* / Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. — New York: Oxford University Press, 2020. — P. 396–412.

Cuevas-Molina I. Voter Turnout Overreports: Measurement, Modeling and Deception // ScholarWorks@UMass Amherst. Doctoral Dissertations. — 2017. — 958. — DOI: 10.7275/10009395.0.

Dalton R. J. The Participation Gap: Social Status and Political Inequality. — New York: Oxford University Press, 2017. — 280 p. — DOI: 10.1093/oso/9780198733607.001.0001.

Dalton R. J. Party Identification and Its Implications // Oxford Research Encyclopedia of Politics / Ed. by W. R. Thompson. — 2021. — DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.72.

Hadjar A., Beck M. Who Does Not Participate in Elections in Europe and Why Is This? A Multilevel Analysis of Social Mechanisms Behind Non-Voting // European Societies. — 2010. — Vol. 12, no. 4. — P. 521–542. — DOI: 10.1080/14616696.2010.483007.

Hayes A. F. Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach. — 3rd ed. — New York; London: The Guilford Press, 2022. — 732 p.

Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement // Europe-Asia Studies. — 2014. — Vol. 66, no. 6. — P. 945–968. — DOI: 10.1080/09668136.2014.905386.

Leighley J. E., Nagler J. Who Votes Now? Demographics, Issues, Inequality, and Turnout in the United States. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2013. — 232 p.

McAllister I. Partisanship and Political Participation // Research Handbook on Political Partisanship / Ed. by H. Oscarsson, S. Holmberg. — Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. — P. 266–280. — DOI: 10.4337/9781788111997.

McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election // Russian Politics. — 2017. — Vol. 2, no. 4 (Special Issue: Analyzing the 2016 State Duma Election). — P. 411–433. — DOI: 10.1163/2451-8921-00204002.

Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout // The Routledge Handbook of Elections, Voting Behavior and Public Opinion / Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M. N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. — London; New York: Routledge, 2018. — P. 69–82.

Rosenstone S. J., Hansen J. M. Mobilization, Participation, and Democracy in America. — New York: Macmillan, 1993. — 333 p.

Schlozman K. L., Brady H. E., Verba S. Unequal and Unrepresented: Political Inequality and the People's Voice in the New Gilded Age. — Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. — 352 p.

Serra L., Smets K. Age, Generation, and Political Participation // The Oxford Handbook of Political Participation / Ed. by M. Giugni, M. Grasso. — Oxford: Oxford University Press, 2022. — P. 545–561.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout // Electoral Studies. — 2013. — Vol. 32, no. 2. — P. 344–359. — DOI: 10.1016/j.electstud.2012.12.006.

- Verba S., Schlozman K. L., Brady H. E. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Democracy*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. — 664 p.
- Wolfinger R., Rosenstone S. *Who Votes?* — New Haven: Yale University Press, 1980. — 160 p.

References

- Birch S. Elections and Voters. In White S., Lewis P. G., Batt J. (eds.). *Developments in Central and East European Politics 5*. Durham, Duke University Press, 2013, pp. 156–170.
- Blais A. *To Vote or not to Vote? The Merits and Limits of Rational Choice*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 2000, 208 p.
- Blais A. Turnout in Elections. In Dalton R. J., Klingemann H. D. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Behavior*: New York, Oxford University Press, 2007, pp. 621–635. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033.
- Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to Vote: Explaining Electoral Participation*. Vancouver, UBC Press, 2020, 156 p.
- Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political Equality and Turnout. In Rohrschneider R., Thomassen J. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Representation in Liberal Democracies*. New York, Oxford University Press, 2020, pp. 396–412.
- Campbell A., Converse P. E., Miller W. E., Stokes D. E. *The American Voter*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1980 [1960], 576 p.
- Colton T. J. *Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000, 336 p.
- Cuevas-Molina I. Voter Turnout Overreports: Measurement, Modeling and Deception. *ScholarWorks@UMass Amherst. Doctoral Dissertations*, 2017, 958. DOI: 10.7275/10009395.0.
- Dalton R. J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York, Oxford University Press, 2017, 280 p. DOI: 10.1093/oso/9780198733607.001.0001.
- Dalton R. J. Party Identification and Its Implications. In Thompson W. R. (ed.). *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2021. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.72.
- Hadjar A., Beck M. Who Does Not Participate in Elections in Europe and Why Is This? A Multilevel Analysis of Social Mechanisms Behind Non-Voting. *European Societies*, 2010, vol. 12, no. 4, pp. 521–542. DOI: 10.1080/14616696.2010.483007.
- Hayes A. F. *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. 3rd ed. New York, London, The Guilford Press, 2022, 732 p.
- Kostelka F. The State of Political Participation in Post-Communist Democracies: Low but Surprisingly Little Biased Citizen Engagement. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, no. 6, pp. 945–968. DOI: 10.1080/09668136.2014.905386.
- Leighley J. E., Nagler J. *Who Votes Now? Demographics, Issues, Inequality, and Turnout in the United States*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2013, 232 p.
- McAllister I. Partisanship and Political Participation. In Oscarsson H., Holmberg S. (eds.). *Research Handbook on Political Partisanship*. Cheltenham, Northampton, Edward Elgar Publishing, 2020, pp. 266–280. DOI 10.4337/9781788111997.
- McAllister I., White S. Demobilizing Voters: Election Turnout in the 2016 Russian Election. *Russian Politics*, 2017, vol. 2, no. 4 (special issue: Analyzing the 2016 State Duma Election), pp. 411–433. DOI: 10.1163/2451-8921-00204002.
- Plutzer E. Demographics and the Social Bases of Voter Turnout. In Fisher J., Fieldhouse E., Franklin M. N., Gibson R., Cantijoch M., Wlezien C. (eds.). *The Routledge Handbook of*

Elections, Voting Behavior and Public Opinion. London, New York, Routledge, 2018, pp. 69–82.

Rosenstone S. J., Hansen J. M. *Mobilization, Participation, and Democracy in America*. New York, Macmillan, 1993, 333 p.

Safronov V. V. Inequalities of electoral participation in Russia (a review of research in relation to Western theoretical models). *Power and Elites*, 2022, vol. 9, no. 2, pp. 56–95. (In Russ.) DOI: 10.31119/pe.2022.9.2.3.

Safronov V. V. Participation in the elections of the State Duma: social inequalities, motivation and mobilization. *Power and elites*, 2023, vol. 10, no. 1. (Forthcoming.) (In Russ.).

Schlozman K. L., Brady H. E., Verba S. *Unequal and Unrepresented: Political Inequality and the People's Voice in the New Gilded Age*. Princeton, Oxford, Princeton University Press, 2018, 352 p.

Serra L., Smets K. Age, Generation, and Political Participation. In Giugni M., Grasso M. (eds.). *The Oxford Handbook of Political Participation*. Oxford, Oxford University Press, 2022, pp. 545–561.

Smets K., van Ham C. The Embarrassment of Riches? A Meta-Analysis of Individual-Level Research on Voter Turnout. *Electoral Studies*, 2013, vol. 32, no. 2, pp. 344–359. DOI: 10.1016/j.electstud.2012.12.006.

Verba S., Schlozman K. L., Brady H. E. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Democracy*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1995, 664 p.

Wolfinger R., Rosenstone S. *Who Votes?* New Haven, Yale University Press, 1980, 160 p.

Сафронов Вячеслав Владимирович, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН,
Санкт-Петербург, Россия.
vsafonov@list.ru

Safronov, Viacheslav V., Senior Researcher, Sociological Institute,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.
vsafonov@list.ru